

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Основной учебный текст

I. XVIII век отличается бесспорной культурной целостностью – как в Европе, так и в России. «“XVIII век” – сама по себе тема. Это не произвольно выбранный хронологический отрезок, это историософское понятие» (XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 4). Действительно, «осьмнадцатое столетие», как обозначали свое время живущие в нем русские люди, обладает своеобразием, в целом совпадающим именно с его хронологическими границами: XVIII век – резко очерченная эпоха, отграниченная как от прошлого, так и от будущего. Возможно, в истории русской культуры и самосознания она – наиболее отчетливо выделяющееся как отдельный период столетие. Надо сказать, что и сами его современники – люди XVIII века – ощущали его историческую особость: в первые десятилетия говорили о новизне наступающих времен, разительно непохожих на бывшие прежде; в конце же столетия – много и напрямую размышляли об итогах, о смысле произошедших перемен и об открывающихся благодаря им перспективам. И если ощущение начала, свойственное петровскому времени, во многом определялось происходящими тогда грандиозными преобразованиями, то пристальный интерес, скажем, А. Н. Радищева или Н. М. Карамзина к веку, современниками которого они были, объясняется в первую очередь их осознанием конца определенной исторической эпохи, которую они ограничивали ста годами, называя то «осьмнадцатым столетием», «безумным и мудрым» (А. Н. Радищев), то «осьмымнадцатым веком» (Н. М. Карамзин). Осознание важности именно века как отдельного шага в исторической поступи человечества, как самого адекватного понятия для историософского членения времени (а XVIII век знал толк в историософии и умел ей заниматься) поддерживалось и тем, что XVIII век оказался первым веком в истории русского общества, который как век и осознавался; XVIII столетие русские, впервые за время сознательного своего существования, прожили в одном ритме с Западной Европой.

XVIII век отмечен не только некоторым единством внешнего облика – мод, форм обращения, правил поведения и т.п. Хотя и это немаловажно; но, конечно, важнее другое – внутреннее единство, которое обнаруживается на самых глубоких уровнях национальной жизни: в принципах государственного устройства и социальной организованности (коллегиальная форма высшего звена государственного аппарата, действенность Табели о рангах и др.), в центральных направлениях внешней политики (отношения со Швецией, судьба польского наследства, восточный вопрос), в ведущих идеологических и духовных идеях (например, Просвещение и масонство), в тех проблемах, что определяли интеллектуальную атмосферу эпохи.

Однако бросающееся в глаза единство целого столетия – единство относительное. При более глубоком знакомстве с его жизнью довольно быстро начинаешь различать скрытую за кажущимся единообразием внутреннюю многоликость, чувствовать отличия отдельных его периодов друг от друга. Оказывается, что разные поколения внутри этого одного столетия весьма по-разному смотрели на жизнь и выражали свое понимание происходящего в совсем особых формах. Это в полной мере относится и к словесности, что естественным образом подводит к проблеме хронологической периодизации словесной культуры XVIII века.

II. Большинство авторов и XIX, и XX столетий, дававших общую характеристику словесной культуры XVIII века, так или иначе обращались к данной проблеме. Бывали некоторые исключения – например, Л. В. Пумпянский в работе «К истории русского классицизма» (1923–1924 годы) этого вопроса едва ли касался вообще. Да и Г. А. Гуковский в «Русской литературе XVIII века» (1939) по существу его избегал – во всяком случае, внешне четко структурированная периодизация в его классической книге скорее отсутствует (что

вызывает целый ряд недоуменных вопросов – о месте в истории литературы А. Д. Кантемира, о пограничных литературных событиях, разделяющих периоды и т.д.). О периодизации также почти не писал и третий их современник – П. Н. Берков, – даже и в концептуальных, обобщающих своих трудах, выражающих его общие представления о своеобразии XVIII века («Особенности русского литературного процесса XVIII века», 1968). Однако стоит помнить, что грандиозный опыт Л. В. Пумпянского – именно опыт, оставшийся незавершенным, своего рода черновой набросок. В блестящем же учебнике Г. А. Гуковского, при всех умолчаниях и некоторых пробелах, хронологическое членение материала все же ощутимо, и чем глубже ты погружаешься в него, тем более. К тому же, в других своих сочинениях (при всех их различиях¹) он на связанные с периодизацией литературы XVIII века темы неоднократно рассуждал и его основные взгляды по этому поводу – в их временной переменчивости – в целом можно реконструировать.

подавляющее же число исследователей литературной истории XVIII века, стремясь дать ей адекватное филологическое описание, вопроса о её периодизации не обходили, полагая его как существенным для систематизации материала, так и необходимым для ясности излагаемой концепции. Однако, открыв их работы, мы сразу же сталкиваемся с пестротой и даже разнообразием мнений. Так, старые ученые склонны были делить словесность XVIII века либо исходя из крупнейших писательских имен («ломоносовский», «карамзинский» периоды, как делал В. Г. Белинский), либо – по императорам (петровский, елизаветинский, екатерининский). В XX веке, особенно начиная с его середины, проявляются уже новые подходы – членение историко-литературного материала начинает исходить из историософских представлений о ходе исторического процесса: в нем открываются внутренние закономерности развития (а не внешняя череда смен царствующих особ), на основе которых и выделяются отдельные этапы. Причем при их перенесении на эволюцию словесного искусства в той или иной степени учитывалась и его специфика – несмотря на все усилия официальной идеологии, уроки формалистов русская литературоведческая мысль середины прошлого столетия забыть не смогла, да и – при частых несогласиях с основными идеями опоязовцев – не захотела. Но предлагаемая и в это время периодизация оказывается весьма и весьма многообразной; почти каждый ученый предлагает читателям свой ее вариант (См. общий обзор данной проблемы: Стенник Ю. В. Проблема периодизации русской литературы XVIII века// XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 17–31).

Так, Д. Д. Благой выделял три периода: 1) «Новое содержание в старых формах. На путях к классицизму. (Литература первых десятилетий XVIII века)»; 2) «Русский классицизм. Становление национального литературного языка. Новая система стихосложения. (Литература 30-50 годов)»; 3) «На пути от классицизма к сентиментализму и реализму. Сентиментализм. Зарождение критического реализма. (Литература последней трети века)» (Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 3, перераб. М., 1955. С. 565–566).

Формальными основаниями периодизации тут становились: во-первых, тематико-идеологическое наполнение литературных текстов, т.е. их идейная структура и, во-вторых, литературно-художественные методы (стили, как их можно назвать в другой терминологии) в их развитии. Г. П. Макогоненко, основываясь на истории философии и развитии русской общественной мысли, определявшейся в то время прежде всего воздействием западноевропейских доктрин, делит словесную культуру XVIII века на две части, давая им весьма значимые определения – «Канун Просвещения», объединяющий время от начала петровских преобразований до конца 1760-х годов и «Эпоха Просвещения» (последняя треть века) (См.: Русская литература XVIII века. Составитель Г. П. Макогоненко. Л. 1970). Два периода видит в литературной истории XVIII века и И. З. Серман: первую и вторую половины столетия, причем критерием для этого служит место литературы в общекультурном движении: вначале происходит её постепенное вычленение как самостоятельного и специфического

элемента культуры, с середины же века начинается её выдвижение на первое место в социально-культурном движении, она становится, возможно, основным выразителем общественного мнения (Серман И. З. Нерешенные вопросы истории русской литературы XVIII века // Русская литература. 1973. № 1. С. 11–28). В хрестоматии, подготовленной В. А. Западным («Русская литература XVIII века. 1700 – 1775», М., 1985) материал расположен в соответствии с четырьмя периодами: 1) литература петровской эпохи; 2) литература 1730-1750-х годов; 3) литература 1760-х – первой половины 1770-х годов; 4) литература последней четверти XVIII века.

III. Разнообразие мнений очевидно, при этом каждое из них имеет достаточные обоснования и опирается на весомые аргументы. И это относится не только к периодизациям чисто историко-литературным, но и к тем, которые строятся на языковой основе: для XVIII века процессы, происходившие в языке, имели особое значение, их культурный статус был значительно выше, нежели, скажем, в XIX и XX веках. С одной стороны, в то время, как известно, происходил процесс формирования нового, собственно русского литературного языка; в этом процессе центральную роль, естественно, играла художественная литература. Поэтому для уяснения закономерностей её развития языковые факторы оказываются очень важными. С другой стороны, литература в XVIII веке не была так жестко и непосредственно связана с вымыслом, как в последующие эпохи; не фикциональность была основанием для отнесения к литературе тех или других текстов, а другие критерии, едва ли не в первую очередь – их язык, его тип и степень совершенства. Это также заставляет иметь в виду историю литературного языка при попытках периодизировать историю литературы, что, расширяя диапазон учитываемых фактов, увеличивает многообразие существующих классификаций. Например, В. В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка XVII – XIX веков» (1938 г.) писал о трех этапах в развитии литературного языка интересующего нас времени: 1) до середины XVIII века; тогда происходит, в частности, образование новых литературно-художественных стилей; данный период захватывает первую и большую часть второй четверти столетия; 2) середина XVIII века, отмеченная мощным нормотворчеством, приведшим к появлению теории трех стилей; 3) конец века, когда активизируется «процесс образования салонно-литературных стилей высшего общества, на основе смешения русского языка с французским» (Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. Изд. 2. М., 1938. С. 445), главное место здесь занимает Н. М. Карамзин и писатели близкой к нему ориентации. Н. А. Мещерский же считал более соответствующим языковой реальности XVIII века её историческое членение на четыре хронологических отрезка: 1) петровское время; 2) середина XVIII века; 3) последняя треть XVIII века; 4) рубеж XVIII-XIX веков (Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981. С. 279). Четыре периода выделяет в истории русского литературного языка XVIII столетия, рассмотренного в контексте культурной эволюции, и В. М. Живов в своей фундаментальной и острой монографии «Язык и культура в России XVIII века» (1996 г.), правда, определяя их иначе и руководствуясь другими принципами выделения: 1) культурно-языковая ситуация петровской эпохи, 2) начало нормализации нового литературного языка (1730 – первая пол. 1740-х годов), 3) период «славянорусского языка», связанного с синтезом предшествовавших культурно-языковых традиций (вторая пол. 1740-х годов – 1780-ые годы), 4) конец XVIII века, ознаменовавшийся новым размежеванием двух языковых стихий – русской и церковнославянской.

Итак, предлагавшиеся периодизации истории русской словесности и языковой культуры XVIII столетия оказываются и несовпадающими между собой, и нередко противоречащими друг другу, а главное – строящимся на совсем различных принципах. Даже при самом беглом взгляде на существо данной проблемы создается впечатление калейдоскопичности. Это слово – калейдоскоп – кажется здесь не просто уместным, но и очень точным.

IV. Хронологические периодизации литературной жизни действительно удачно сравнить именно с калейдоскопом. Любая из них не просто условна, но представляет собою известные произвол и насилие над материалом; мы группируем литературные факты согласно собственным представлениям и желаниям, исходя из дедуктивно выведенных принципов описания материала: один поворот калейдоскопа – одна картина, другой – совсем иная. А к реальности это вроде бы и не имеет никакого отношения.

Естественно возникает вопрос – нужна ли вообще периодизация для создания истории литературы. В наше время крайне подозрительного отношения к умозрительным концепциям, укладывающим органическую, бурлящую жизнь культуры в жестко намеченное русло, подобный вопрос крайне обостряется. «Любое историографическое построение, основанное на концептуальной схеме, скомпрометировано для современного сознания своей сюжетностью (вообще своим сходством с фикциональным повествованием). Для тех, кто хотел бы сохранить возможность не вызывающей сомнения истории искусства, особую ценность приобретает метод «воссоздающего» ее описания, по типу близкого к картине описания, непосредственного являющего всю массу подробностей реального процесса, всю конкретную сложность и пестроту образующих его зависимостей и связей» (Маркович В. М. Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России. СПб., 2007. С. 296). Периодизация же и является «концептуальной» схемой в её чистом, так сказать, виде.

Может быть, стоит отказаться от самой идеи периодизации? Это в свете только что сказанного кажется соблазнительным. Но соблазнительность эта не просто обманчива, полный отказ от идеи периодизации представляется попросту невозможным: ведь отсутствие периодизации на самом деле также является одним из ее видов, так сказать, нулевой формой, формой, насыщенной при этом, идеологией. Периодизация по своей сути связана с идеей развития, движения во времени, т.е. с историей. Она предполагает выявление каких-то закономерностей исторического (применительно к словесности – историко-литературного) процесса, определение (или попытку такого определения) его движущих сил. И отказ от нее может привести (и приводит) к отрицанию качественных изменений, сопровождающих историю, к сомнению в многообразии исторического времени. Конечно, это происходит далеко не всегда, однако потенциально зерно антиисторизма в подобном интеллектуальном поступке заложено. В результате временная динамика культурной жизни перестает учитываться, само её существование ставится под вопрос, если не отвергается вовсе. История литературы преобразуется в музей, в архивохранилище. Недаром В. М. Маркович новую, «не вызывающую сомнений историю искусства» определяет как картину, картина же статична по своей природе (что было продемонстрировано как раз в XVIII веке Г.-Э. Лессингом в «Лаокооне»). Вряд ли она способна передать «массу подробностей» реального процесса (курсив мой – П. Б.). В известной степени идеальной формой соответствующего требованиям «картинности» описания литературного материала в его предельной полноте будут являться сочинения энциклопедического типа, вроде создаваемой под эгидой ИРЛИ (Пушкинского Дома) Российской Академии Наук серии биографических словарей русских писателей (Словарь книжников и книжности Древней Руси, Словарь русских писателей XVIII века, Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь). Однако при всех огромных достоинствах такого типа литературоведческого описания он имеет мало общего с историей литературы, служит только подготовкой к её созданию.

Кроме того, отказ от периодизации, непосредственно ведущей к линейному пониманию историко-литературного процесса и к нарративным способам его презентации, во многом диктуемый боязнью насилия над живой тканью литературной жизни, парадоксальным образом может обернуться еще большими произвольностью и субъективизмом. Дело в том, что, раздумывая над возможностями периодизации, мы тем самым обращаемся к закономерностям развития интересующего нас периода и, так или иначе, пытаемся (естественно, с разной степенью соответствия) учитывать его особенности, вступая с ним в своеобразный диалог, совершающийся, по терминологии М. М. Бахтина, в большом времени. Хоть в каких-то пределах, но это ограничивает наш волюнтаризм. Отрицая же периодизацию, мы, сознательно

или бессознательно, неважно, отрицаем и определяемую этими закономерностями качественную многоликость исторического времени. Прошлое оборачивается синхронически организованным пространством. Размещая его элементы в некоей последовательности, мы исторической жизни этого пространства, имманентной по отношению к нам, естественно, не учитываем, так как её просто-напросто игнорируем. Возникающее изображение не передает реального процесса, но оказывается именно картиной, отражающей исключительно собственные представления субъекта, разговаривающего не с внеположным ему, другим, но способным к общению, историческим субъектом, а с самим собою.

Периодизация, казалось бы, достаточно частная проблема истории литературы, но, как видим, она неразрывно связана с самим ее существом. От того, как данная проблема будет решена, в немалой степени зависят общие параметры создаваемой истории литературы. Из всего сказанного, думаю, с ясностью следует, что отказ от периодизации таит в себе значительно большие опасности, чем она сама.

Более того, внимательно взглядываясь в существующие ныне исторические классификации русской словесности XVIII века, можно заметить определенное их единство, проступающее сквозь всю их пестроту. Возможно, единство – здесь все же слишком отчетливое слово, но вот сближения – и немалые – между ними очевидны. Такие переключки свидетельствуют о том, что классификации действительно вступают в уже упоминавшийся творческий диалог со своим предметом, отзываются на его посылы, и при всей произвольности обнаруживают свое ему соответствие, пусть и неполное. Это-то и показывает с особой отчетливостью, что они, вне зависимости от установок их создателей, опираются на материал, исходят из него и отражают его специфику. В них следует видеть не один факт историографии русской литературы XVIII века, но и след самой этой литературы, след, преломленный в научном слове филолога-классификатора.

V. В свете только что сказанного отказ от периодизации литературной истории XVIII века кажется неоправданным. Но какую же периодизацию следует считать наиболее адекватной материалу? Как представляется, в развитии литературы XVIII века, если взглянуть на нее изнутри, видя в «осмнадцатом столетии» внутренний организованный и отдельный период истории русской словесности и, шире, русского самосознания, разумнее всего, да и научно продуктивнее, видеть три основных периода: 1) литература петровского времени, 2) литература середины столетия, 3) литература последней трети XVIII века. Погружаясь в эмпирику литературно-языковых фактов и соотнося с ней данную периодизацию, ощущаешь известную адекватность умозрительной рубрикации материалу во всем его многообразии и разнонаправленности – теория в данном случае не подчиняет этот материал себе, не перестраивает согласно своим принципам и интенциям, но вроде как высвобождает в нем действительно присутствующее, прочерчивает то, что в нем самом, так сказать, набухало. Но как эти периоды отграничиваются друг от друга и в чем состоит специфика каждого из них?

1. Литература петровского времени. Она охватывает первые три с половиной десятилетия XVIII века. Как указывает прочно укрепившееся за этим периодом название, он неразрывно связан с реформами Петра I. Поэтому вполне естественно начинать его с первых преобразований царя в области культуры, т.е. с первых годов календарного XVIII века. Нижней его границей окажется середина 1730-х годов, причем за разделительную линию между петровской литературой и следующим за нею новым этапом литературной жизни мы в наших дальнейших рассуждениях примем реформу русского стиха. Главной специфической чертой словесности того времени, пожалуй, было хаотическое смешение разнородных элементов, нового со старым: в результате резкости и настойчивости петровских преобразований культурная ситуация приняла крайне смутный вид – в русскую жизнь не просто хлынул поток разнообразных заимствований с Запада, сама эта жизнь, её традиционный культурно-бытовой уклад распался буквально на глазах. Вопрос же о том, чем он будет заменен, что придет на смену, был еще абсолютно неясен. Русское сознание испытывало большие затруднения не только в его решении – об этом рано было и думать, но

даже и в первоначальных подступах к нему. Оно едва ли осознало в то время, что деятельность Петра стала своего рода вызовом, на который требуется дать ответ. (Выражения «вызов» и «ответ» здесь употребляются не в том широко употребительном и расхожем смысле, который стал ныне общеиспользуемым и модным, но как историсофские понятия в том значении, какое они получили в философии истории А. Тойнби). Это и определяло дезориентированность и деструктурированность, которыми отмечена в первую очередь литературная культура того времени. Момент, когда они начинают исчезать и им на смену приходит тенденция к систематизации, означает завершение петровской эпохи в истории словесной культуры и переход к другому этапу – к середине века.

2. Литература середины XVIII века (середина 1730-х – конец 1760-х годов). В этот период происходит окончательное утверждение европейского художественного языка и вытеснение элементов старинной словесности на периферию литературной жизни. Европеизировавшись внешним образом, русская словесная культура стремится как можно скорее преодолеть свое неюфитство, пройти этап наивного и неуклюжего ученичества, для чего прежде всего стремится к самосистематизации. Страсть к ней – одна из самых важных особенностей этого периода. Литература уже отчетливее выделяется из общекультурного движения, меняется литературный быт и возникают его новые центры. Причем преобразования в культурной жизни осуществляются в высшей степени осознано – послепетровское поколение уже рефлектировало над своими литературными трудами, и рефлектировало весьма активно, что, в частности, проявилось в обостренном понимании предельной актуальности античности. В результате словесность и смогла дать ответ петровскому вызову, определив совокупными усилиями В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова и особенно М.В. Ломоносова пути дальнейшего развития отечественной литературы, пути, далеко не совпадающие с тем, что было желательно Петру.

Этот период отмечен крайними динамизмом и текучестью, характерологические его черты появляются на всей его протяженности. Поэтому так нелегко определить его начало; в известном смысле это самый постепенный, эволюционный этап в истории словесности XVIII века. Трудно дать его статическое описание; его отдельные части не без усилия сводятся к общему знаменателю – достаточно сопоставить конец 1730-х – 1740-ые годы со второй половиной 1750-ых – первой половиной 1760-х годов, чтобы заметить почти что разительные отличия. Говорить о данном периоде можно лишь постоянно памятуя эту его динамику. И все же середина столетия – отдельный период, целостный, несмотря на многообразие его частей. Их всех объединяет присущий им пафос – восприятие русскими людьми самих себя как европейцев и русской литературы как европейской, возросшей, как и другие европейские литературы, на античной почве и на равных с ними перекликающейся. Причем, её необходимо улучшать и усовершенствовать, что русским авторам и удается. Это придает литераторам того времени чувство гордости и одновременно вызывает умиление. Завершается литература середины века к концу 1760-х годов.

3. Литература конца XVIII века (1769 год – 1800-ые годы). 1769 год, конечно, условная дата для обозначения нового периода, однако, при всей своей условности, совсем не случайная. Это год возникновения сатирической журналистики, что означает появление общественного мнения, стремящегося отстоять свою независимость от позиций Церкви и двора. Процесс его формирования был сложен и длителен, но уже первые проявления общественной самостоятельности оказали огромное влияние на обустройство культурной жизни. Начинает меняться место литературы в социальной структуре, иными становятся отношения литераторов с властью, с публикой, друг с другом. Это сопровождается активным распространением просветительских идей; правда, вопрос об органичности русского Просвещения в XVIII веке, вообще о мере его присутствия нуждается в изучении и обдумывании, но тот факт, что многие просветительские модели культурного и даже социально-политического поведения играли заметную роль в литературном быте 1770-х – 1800-х годов, отрицать, наверное, не стоит. В этот период уже ранее европеизированная русская литература по существу действительно встает в один ряд с европейскими. В русской

среде еще не появились авторы, могущие быть по-настоящему интересными для Запада (впрочем, число переводов произведений XVIII века на европейские языки, выполненных в XVIII же веке, достаточно велико), но они живут общими с европейскими собратьями культурными интересами, решают те же эстетические и философские проблемы: в это время зарождаются и получают распространение – как в элитарной, так и в относительно массовой словесности – идеи диалектического восприятия жизни, историзма и народности.

Естественно, любое выделение периодов в безостановочном потоке истории литературы всегда относительно и условно. Границы между только что обозначенными хронологическими отрезками подвижны и проницаемы, к тому же они — не тонкие линии, но широкие полосы, на которых размещаются переходные фигуры — авторы, соединяющие в себе черты жизнью середины века, или же М. М. Херасков, неразрывно связанный и с серединой, и с концом столетия. Да и внутри периодов литературная эволюция не замирала; это — динамические, а не статические структуры, вне диахронии говорить о них попросту невозможно. И сразу двух периодов, между которыми и разворачивается их творческая деятельность, такие, как А. Д. Кантемир или В. К. Тредиаковский, в известной мере стоящие на распутьях между Петровской эпохой и литературной писательская жизнь — даже в чисто литературном смысле, т. е. их жизнь именно как авторов — неподвластна периодизации; она не начинается с началом какого-либо периода и его концом не завершается. В одно и то же время в литературной жизни участвуют люди разных поколений. Но эти необходимые оговорки не отменяют, как хочется думать, правомочности и продуктивности изложенного выше взгляда на историческое деление русской литературы XVIII века.

Предложенная периодизация русской литературной жизни XVIII века исходит из давно осознанных наукой предпосылок. Они и сегодня представляются наиболее продуктивными для решения данной задачи; такая сопротивляемость движению времени и смене методологических увлечений лишний раз свидетельствует об их адекватности историко-литературному материалу. Следуя, в целом, в русле подхода, представленного, в частности, в учебнике Д.Д. Благого и разделяемого многими исследователями (среди других – Ю.В. Стенником), я лишь несколько иначе прочертил границы между периодами, в их обобщенных характеристиках отметил те моменты, которые ранее недостаточно выделялись, а также представил их в целом несколько по другому, нежели это делалось ранее. Тут надо заметить, что возможность по-разному, в различных понятийных категориях описать по сути одинаково выделяемые этапы развития (так, например, они легко поддаются характеристике в аспекте смены литературных стилей: петровское время – эпоха **барокко**, литература середины XVIII века – вытеснение **барокко классицизмом**, конец века – торжество преромантических тенденций) является дополнительным свидетельством здравомысленности и, следовательно, действительности трехчастного деления литературного развития XVIII века.

П. Е. Бухаркин

Контрольные вопросы к основному учебному тексту

- а) В чем состоит единство русского XVIII века?
- б) Какие варианты периодизаций истории русской литературы XVIII века предлагали ученые XIX века?
- в) Как выглядит периодизация истории русской литературы XVIII века у Д. Д. Благого, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана, В. А. Западова?
- г) Какие периоды выделяют исследователи в истории русского литературного языка?
- д) В чем специфика трех основных периодов русской литературы XVIII века?

Обязательные научные тексты

1. Стенник Ю. В. Проблема периодизации русской литературы XVIII века // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 17–31.

2. Бухаркин П. Е. Место литературной культуры XVIII века в истории русской литературы. Возможности макроисторической периодизации // Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века. Петровская эпоха. СПб., 2009. С. 13–21.

Дополнительные научные тексты

1. Берков П. Н. Особенности русского литературного процесса XVIII века // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 128–172.

2. Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005 (Гл. 1. «Временные рамки и пограничные вехи литературы XVIII века». С. 17–50).

Контрольные вопросы к научным текстам

1. Стенник Ю. В. Проблема периодизации русской литературы XVIII века// XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 17–31.

а) Какими критериями руководствовались исследователи при создании различных вариантов периодизации истории русской литературы XVIII века?

б) Какие периоды истории русской литературы XVIII века выделяет Ю. В. Стенник?

2. Бухаркин П. Е. Место литературной культуры XVIII века в истории русской литературы. Возможности макроисторической периодизации // Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века. Петровская эпоха. СПб., 2009. С. 13–21.

а) Каковы общие особенности литературной культуры второй половины XVII – первой трети XIX вв.?

б) На какие два макропериода можно разделить историю русской литературы XVIII века?

Упражнения

1. Ознакомьтесь с принципами периодизации древнерусской литературы и русской литературы XVIII века в следующем издании: История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.), А. С. Бушмин, Е. Н. Куприянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, К. Д. Муратова. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1980—1983 (<http://feb-web.ru/feb/irl/default.asp?/feb/irl/r10/r11/r11.html>). Выпишите названия всех разделов и глав первого тома издания. В каком разделе помещен обзор литературы петровской эпохи? Почему?

2. Выпишите из статьи Ю. В. Стенника «Проблема периодизации русской литературы XVIII века» упоминаемые автором имена писателей и литературные произведения XVIII века. Распределите материал в следующей таблице:

период	писатели	произведения

3. Пользуясь основным учебным текстом и изученными научными работами, заполните следующую таблицу:

период (по основному учебному тексту)	господствующее литературное направление	наиболее яркие представители направления

Библиография

1. Берков П. Н. Особенности русского литературного процесса XVIII века // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981.
2. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 3. М., 1955.
3. Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века. Петровская эпоха. СПб., 2009.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. М., 1982.
5. Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
6. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999.
7. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981.
8. Русская литература XVIII века. Составитель Г. П. Макогоненко. Л., 1970.
9. Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005 (Гл. 1. «Временные рамки и пограничные вехи литературы XVIII века»).
10. Серман И. З. Нерешенные вопросы истории русской литературы XVIII века // Русская литература. 1973. № 1.
11. Стенник Ю. В. Проблема периодизации русской литературы XVIII века// XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л. , 1989.

Тесты

1. Существующие научные периодизации истории русской литературы могут включать:
 - a. два периода
 - b. три периода
 - c. четыре периода
 - d. пять периодов
 - e. шесть периодов
2. Единственный период русской литературы XVIII века, обозначаемый в научных периодизациях именем монарха, это:
 - a. екатерининская эпоха
 - b. петровская эпоха
 - c. аннинская эпоха
 - d. елизаветинская эпоха
3. В существующих научных периодизациях середина XVIII века может обозначаться как:
 - a. конец 30-х – начало 70-х гг.
 - b. начало 50-х – начало 70-х гг.
 - c. конец 20-х – начало 80-х гг.
 - d. середина 30-х – конец 60-х гг.
 - e. 30–50-е гг.

4. Граница «внешней» периодизации истории русской литературы XVIII века проходит:
- между А. Д. Кантемиром и В. К. Тредиаковским
 - между В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым
 - между М. В. Ломоносовым и А. П. Сумароковым
 - между царствованиями Екатерины II и Павла I
5. Кто из названных писателей принадлежит Петровской эпохе?
- И. Т. Посошков
 - А. Н. Радищев
 - Феофан Прокопович
 - Б. Фонтенель
 - В. К. Тредиаковский
 - М. В. Ломоносов
 - Ф. Журовский
6. Кого из названных авторов можно считать писателями, переходными от петровской эпохи к периоду середины XVIII века?
- И. Т. Посошков
 - А. Н. Радищев
 - Феофан Прокопович
 - А. Д. Кантемир
 - В. К. Тредиаковский
 - М. В. Ломоносов
 - А. П. Сумароков
7. Кого из названных авторов можно считать писателями, переходными от периода середины XVIII века к периоду конца XVIII века?
- Г. Р. Державин
 - А. Н. Радищев
 - М. М. Херасков
 - В. К. Тредиаковский
 - М. Н. Муравьев
 - М. В. Ломоносов
 - А. П. Сумароков
 - Н. М. Карамзин
8. Какие литературные направления представлены в русской литературе XVIII века?
- барокко
 - классицизм
 - романтизм
 - преромантизм
 - сентиментализм
 - стиль монументального историзма
 - модернизм
9. Переходный период от литературы Московской Руси середины XVII к новой русской литературе середины XVIII века называется:
- Новое время
 - Петровская эпоха
 - Раннее Новое время
 - Канун Просвещения

е. Эпоха Просвещения

10. Оформление сентиментализма в целостную художественную систему происходит:

- a. в 50-е гг.
- b. в 60-е гг.
- c. в 70-е гг.
- d. в 80-е гг.
- e. в 90-е гг.

11. Что из перечисленного характеризует язык и литературу середины XVIII века?

- a. сентиментализм
- b. появление теории трех стилей
- c. «славянорусский» синтез
- d. хаотическое смешение разнородных элементов
- e. реформа русского стиха
- f. переоценка средневековых канонов мышления
- g. классицизм
- h. формирование жанровой системы
- i. развитие прозы